

Т. А. СВЕТАШЕВА

ДЕТСКАЯ СЧИТАЛКА КАК ОБЪЕКТ ПОЭТИЧЕСКОЙ ИГРЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XX ВЕКА

Считалка – живой и динамичный жанр детского фольклора. Знакомство с ней происходит в раннем возрасте, поскольку она обслуживает игровую среду, функционирует в детском коллективе в устной форме и может распространяться без посредничества книг и педагогов.

В считалке реализуется магическая функция языка: с ее помощью определяется жребий, от ее ритма зависит ход будущей игры. Поэтому содержание считалки подчеркнуто вторично по отношению к ее форме. На первый план выходит функциональный аспект, а именно ритмичность, музыкальность, строгая разделенность на такты. В подражание считалке многие поэты используют прием нанизывания однотипных лексем, создают ритмически ровный список-каталог. Таковы, к примеру, «Стихи на древнерусском языке» и «Стихи на нашем языке» Вс. Некрасова:

бесеме велкесеме
гепеу энкаведе
эмгеу векапбе
ээспе капезэс.

[5, с. 31]

Образное пространство считалки иррационально и часто строится на «случайных» рифмах; ей присуща инфантильность в силу зарождения и бытования в детской среде. Поскольку знакомство с этими текстами происходит в раннем детстве, принятие и заучивание предшествует пониманию и осмыслению. Текст принимается как данность, не подвергаясь логической оценке. В результате эти иррациональные, окказиональные образы внедряются в сознание целого поколения. Считалка интересует поэтов конца XX в. прежде всего как неотъемлемая часть картины мира современника, некий базовый образ, прочно закрепившийся в сознании, легко воспроизводимый в любом возрасте, безошибочно узнаваемый.

Интерпретация этих образов и ассоциаций, связанных с ними, открывает широкое игровое пространство. Поэты идут по пути осмысления, логического или интуитивного освоения иррациональных считалочных микросюжетов.

Множество цитат из считалок использует постмодернист М. Сухотин в книге «Центоны и маргиналии». Например, в стихотворении «Роза Якова (маргиналии к Танаху)»:

А и Б
сидели на трубе.
Не бэ,
что А упало,
Б пропало:
нас не так уж мало.
[6, с. 45—46]

Рок-поэт Егор Летов в тексте песни «Свобода» проецирует считалку «Шишел-мышел взял да вышел» на историю подвига Александра Матросова, вернее, на заидеологизированный миф о нем, обостряя деконструкцию мифа непечатным словом.

По нашим наблюдениям, наиболее часто поэты обращаются к одной из самых популярных детских считалок – «Вышел месяц из тумана...».

М. Сухотин в центонном тексте «Страницы на всякий случай» дословно цитирует первую строку считалки:

ты, кормщик, спал и видел сон,
как вышел месяц из тумана,
и как нас много на челне...
[6, с. 30]

Добавлением союза в начало строки поэт меняет стихотворный размер фольклорного текста с характерного считалочного хореев на ямб, что коренным образом меняет звучание, смещая акцент со звуковой формы на содержание строки.

Для создания «работающей», стопроцентно узнаваемой читателем культурной отсылки к этому фольклорному тексту поэты используют при конструировании метафоры сочетания как минимум двух лексем: «месяц» + «туман» или «месяц» + «ножик». Последняя пара образов дает основания узнать как бы отдаленно припоминаемый считалочный сюжет в строках А. Цветкова:

Под окнами липа шумела,
И месяц вонзался в нее топором,
Щербатым, как профиль Шопена.
[7]

Хотя «месяц вонзался топором» в данном тексте не метафора, а сравнение с использованием творительного падежа, на наш взгляд, аллюзия на текст считалки все же присутствует в сжатом виде.

Б. Кенжеев в стихотворении «Ах, карета почтовая, увлеченная пургой...», напротив, разворачивает, визуализирует образ, дополняет его деталями, обыгрывает полисемию слова «перо»:

Выступай же из тумана месяц медный, золотой,
вынимая из кармана ножик в ржавчине густой –
это жизнь моя под утро с беленой мешает мед
и перо ежеминутно в руки белые берет...

[4]

По-своему интерпретирует данный сюжет А. Витухновская, для поэзии которой характерна вызывающая эстетика танатоса, эстетизация табуируемых тем фашизма, некрофилии, саморазрушения. Нож автор трактует как орудие убийства, и такую трактовку поддерживает наличие в третьей строке считалки глаголов физического действия «резать» и «бить». Такая интерпретация фольклорного текста прослеживается в стихотворении «Умри, лиса, умри»:

Ржавым будущим по мне прошлась коса.
Полумесяц вынул острый нож.
Все сказали мне: «УМРИ, ЛИСА, УМРИ, ЛИСА».
Все убьют меня и ты убьешь.

[1]

Образ месяца трактуется как источник агрессии и насилия, что усиливается заменой основного смыслового компонента – «месяц» – на «полумесяц» (отсылка к культурному контексту ислама, воспринимаемому автором нетолерантно).

Подобным же образом считалочный сюжет преломляется в стихотворении «Маньяк Р.»:

Мы самцы месяцев. Злые ножики носим в карманах.
Мы считалочек детских нескладные злые концы.

[1]

С. Гандлевский в стихотворении «Есть горожанин на природе» создает элегическое настроение, описывая осенний отпуск. Горожанин отдыхает, наблюдая увядание природы:

...И не элегия – считалка
Все вертится на языке.
О том, как месяц из тумана
Идет-бредет судить-рядить,
Нож вынимает из кармана
И говорит, кому водить.

[2]

Поэт вкладывает в этот сюжет экзистенциальный, бытийный смысл. Действие считалки замедляется, растягивается. Лирический герой созерцает жизнь в ее простоте и естественности, поэтому «вертится на языке» именно считалка, простая, родная и знакомая.

В стихотворении Н. Искренко «Секс-пятиминутка» откровенный эротизм сочетается с потоком сознания, сотканным из разнородных образов, частью которого становится и образ месяца из считалки:

Он мякоть лопал и хлестал из лона
и в горле у него горела медь
Мело-мело весь месяц из тумана
Он закурил
решив передохнуть...

[3, с. 125]

Атмосфера игры окутана тайной, произнесение считалки обозначает начало игры и формирует некий закрытый круг участников. Поскольку считалки выполняют функцию жребия, почти магическую, судьбоносную, некоторые из них уходят от понятного языка и полностью или практически полностью состоят из несуществующих, заумных слов. Создается эффект иного языкового пространства. Это мнимое иноязычие использует М. Сухотин в стихотворении «Речь идет (маргиналии к Французской Книге)», предлагая читателю псевдоперевод:

«Эни-бэни-раки-таки»
значит
«Уильямс хороший писатель»
значит
«буль-буль-буль-караки-шмаки»
значит
речь
идет.

[6, с. 87]

В произведении «Дыр бул щыл по У Чэн-Эню» М. Сухотин использует прием создания списков-каталогов из расхожих и закрепившихся в сознании образов, источником которых являются общеизвестные тексты, в том числе и считалки:

Каждый охотник
желает знать
где ему искать:
эни бэни рабу,
квинтер винтер жабу...

[6, с. 57—58]

Поэт использует авторское стихотворение Ф. Б. Миллера (1851), закрепившееся в качестве считалки в детской игровой культуре:

Раз-два-три-четыре-пять...
Вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает,

по кому ему стрелять?
По цыпленку
жареному-пареному,
по незваному
татарину...

[6, с. 61—62]

Иногда поэты создают авторские детские считалки, как, например, Г. Сапгир, автор целой книги-азбуки, состоящей из считалок. Однако основную массу произведений данного жанра составляют фольклорные тексты. Считалки, как правило, слагаются самими детьми, причем этот жанр подвижен и реагирует на изменения в массовом сознании. Устаревшие реалии быстро заменяются новым поколением на актуальные, и эти изменения распространяются в детской среде.

Но, наряду с динамичностью, считалке присуще и постоянство формы, сюжета. Фактически целые поколения оказываются знакомы с данным культурным кодом. Современная поэзия активно осваивает считалку, вовлекая ее в интертекстуальное пространство, и происходит это, на наш взгляд, именно благодаря тому, что звуковая форма считалки превалирует над содержанием, которое, несмотря на абсурдность и иррациональность, тем не менее очень глубоко отпечатывается в сознании целых поколений повзрослевших игроков. Интерпретация считалочных образов и ассоциаций, связанных с ними, – широчайшее поле для поэтической игры. Кроме того, считалка сама является фактом поэтической игры, еще неосознанно осуществляемой анонимными авторами детского фольклора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витухновская А. Психотеррор // Алина Витухновская. Статьи, книги [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://drugie.here.ru/alina/terror/index.htm>. – Дата доступа: 01.05.2013.
2. Гандлевский С. «Найти охотника» и другие стихотворения (1995—2007) // Персональный сайт С. Гандлевского [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.gandlevskiy.poet-premium.ru/poetry.html>. – Дата доступа: 01.05.2013.
3. Искренко Н. Я просто буду рядом // Арион. – 1995. – № 2 [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.arion.ru/mcontent.php?year=1995&number=38&idx=553>. – Дата доступа: 01.05.2013.
4. Кенжеев Б. Стихи // Библиотека классической литературы [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.classic-book.ru/lib/sb/book/565/page/10>. – Дата доступа: 01.05.2013.
5. Некрасов Вc. Живу вижу. – Москва, 2002.
6. Сухотин М. Центоны и маргиналии. – Москва, 2001.
7. Цветков А. Эта жизнь – о любви // Арион. – 1994. – № 4 [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.arion.ru/mcontent.php?year=1994&number=129&idx=2471>. – Дата доступа: 01.05.2013.